

Именем ракушки

Я обнаружила, что умею возвращаться в прошлое. Я закрываю глаза, лежу тихо, без движения. И оно обступает меня. Я его вижу, слышу, почти чувствую запахи.

Вот мне шесть. Моя старшая сестра Ксюша уже совсем взрослая. Она сама ходит в школу и из школы домой. Ей десять.

Я ужасная трусиха. Трусихой быть плохо, герои книжек обычно отважные, но я ничего не могу с собой поделаться. А Ксюша смелая. Она дружит с мальчишками во дворе, прячет котлеты под подушкой, может залезть на березу около дома, всегда снимает шапку, когда мы гуляем, хотя мама кричит ей в окно, что она простудится. А еще сестра придумывает фантастические игры.

Мы спим на большом диване. Раньше мы ссорились за место у стенки, но теперь договорились, что будем меняться – неделя моя, неделя ее. Вместе с нами спят наши игрушки – «охалка добрых зверей». Я устраиваю всех поудобней, своего любимого крокодила Короки поближе, почти под подушку, рядом ежа, Ксюшиного крокодила. Потом Зай-голубай (сестра сшила его сама!) на матрасике и цыпленок Жёлтя. Я закутывалась в одеяло, мне так хорошо и уютно, слышны голоса родителей на кухне.

Тут приходит Ксюша, и вытаскивает ежа из-под подушки. Я пытаюсь протестовать. Бесполезно. Еж отправляется погулять и падает в бездонное ущелье. Ксюша открывает балкон, чтобы мы лучше почувствовали, как же ему там холодно на полу – в бездне. Мне уже не до сна. Приходится снаряжать спасательную экспедицию. Зай-голубай и доблестные крокодилы идут на помощь. Они преодолевают отвесные склоны, непроходимые заросли и одеяльное землетрясение. И, наконец, вытаскивают беднягу-ежа из пропасти. Я уже сама, как льдышка. И как же прекрасно вернуться из экспедиции и забраться опять под одеяло! Ксюша закрывает балкон. Мне тепло и еще уютней, чем было.

В тот день я, как обычно, сижу дома с бабушкой. Сестра приходит и, не раздеваясь, прямо в форме плюхается рядом со мной на пол. Из карманов фартука она достает свою добычу: несколько блестящих каштанов, пару крупных желудей, камушек, зеленую ежинушку-скорлупку и две маленькие ракушки.

Я сразу хватаю каштан – он похож на полированную мебель лесных гномов. Я уверена, что Ксюша со мной поделится. Но вдруг оказывается, что ни каштан, ни желудь, ни даже ракушку взять нельзя. Их можно только купить. За каштан нужно отдать право спать у стенки до самого Нового года, за желудь – мыть посуду и в свою, и в ее очередь. Это уже чересчур!

Осталась дурацкая ракушка. Она серая, некрасивая, меньше копеечной монетки. Но я уже настроилась получить хоть что-нибудь.

– А за ракушку ты должна меня слушаться, – говорит Ксюша.

– Как это? Мало ли что ты попросишь?

– Ну, не прыгнуть из окна, конечно.

– И не отдать обратно ракушку, – смеюсь я. И соглашаюсь.

Мы договариваемся не посвящать в это дело родителей. Когда нужно, сестра произносит заветные слова «именем ракушки», а я – исполняю ее просьбу.

Ракушка после этого мне совсем противна, я засовываю ее подальше. Ксюша не злоупотребляет своей властью, но теперь в любом споре мне приходится уступать – кто будет первый мыться или сядет в автобусе у окна. Я страдаю, но не вижу выхода.

Наступает лето. Мы едем на дачу.

Мама выносит нам в сад кресло и раскладушку, чтоб мы могли расположиться на воздухе. Я первая успеваю занять лежанку и тут же слышу ненавистное: «Именем моей ракушки уступай мне раскладушку!».

Ну, уж нет! Сегодня раскладушка моя. Я не двигаюсь с места. Сестра негодует, я не уступаю. В руке у нее ручка, в ярости она тыкает меня повыше локтя. Я ору, льется кровь, прибегают взрослые.

С тех про ракушку мы больше не вспоминаем. Но понятно, что власть ее кончилась. А след на руке – это даже красиво. Как боевой шрам.